

RU

Смысловая архитектура лирики Е. П. Ростопчиной

Шевцова Л. И.

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей архитектуры лирики Е. П. Ростопчиной. Научная новизна исследования связана с уточнением особенностей художественной образности творчества поэтессы. В результате определены ведущие черты композиционного строя ее лирических миниатюр, связанные со снижением смысловой нагрузки строфического деления текста, быстрой сменой лирических эмфаз, ослаблением роли пейзажных и портретных описаний. Композиционная гармония достигается за счет подчинения всех частей одной доминирующей мысли или чувству. Раскрыты формы проявления исповедального характера лирики Ростопчиной. Обозначена генерализирующая роль эпитафов и посвящений в выражении мыслей и чувств поэтессы.

EN

Meaningful Architectonics of E. P. Rostopchina's Lyrical Works

Shevtsova L. I.

Abstract. The paper reveals peculiarities of E. P. Rostopchina's lyrical works architectonics. Scientific originality of the study involves analysing specificity of poetical figurativeness in E. P. Rostopchina's creative work. As a result, compositional peculiarities of E. P. Rostopchina's lyrical miniatures are identified: insignificant meaningful load of stanza arrangement, quick shift of lyrical emphases, marginal role of landscape and portrait descriptions. Compositional harmony is achieved due to the fact that all the compositional elements are focused on revealing a certain idea or feeling. Specificity of confessional nature of E. P. Rostopchina's lyrics is revealed. The key role of epigraphs and dedications in expressing the poet's thoughts and feelings is highlighted.

Введение

Актуальность исследования связана с назревшей необходимостью изучения «позднего» периода развития русской романтической поэзии 50-х гг. XIX века, а именно лирики Ростопчиной в аспекте обусловленности формы содержанием, а также в раскрытии особенностей проявления женской психологии на уровне архитектуры текста, представляющего не только формой самоанализа, но и одной из форм самопрезентации человека в социуме. Научная значимость связана с выявлением особенностей композиции стихотворных произведений, основанных, как правило, на впечатлениях и не имеющих порою никакого событийного ядра. Трудности анализа структуры текста особенно очевидны при обращении к лирическим миниатюрам Ростопчиной, которые далеко не всегда соответствовали установившимся канонам, но в этом как раз и заключается одна из примет ее индивидуального подхода – лирические жанры использовались Ростопчиной для воплощения сугубо субъективных переживаний.

Задачи исследования: раскрыть смысловую содержательность ритмико-строфической организации стихотворений Ростопчиной; определить роль изображений внешнего мира, прежде всего, пейзажных элементов в поэтической структуре элегий Ростопчиной; выявить роль эпитафов и посвящений в организации и движении генерирующего мотива.

Методы исследования: структурно-типологический анализ текстов позволяет раскрыть закономерности смысловой архитектуры стихотворений Ростопчиной; структурно-семантический метод позволяет определить роль элементов внешнего мира в стихотворениях Ростопчиной; структурно-функциональный метод позволяет обозначить значения эпитафов и обращений в смысловой структуре анализируемых текстов.

Теоретическая база исследования включает в себя работы Н. Н. Пуряевой [6], А. М. Ранчина [7], В. С. Распортуевой [8], Н. В. В. Шумиловой [10], посвященные изучению поэтики произведений Е. П. Ростопчиной, а также работы И. А. Киселевой [1; 2], К. А. Поташовой [2; 4; 5], раскрывающие теоретические проблемы динамической поэтики и особенностей лирического самовыражения в стихотворных произведениях. Рассматривая

поэтику стихотворений, исследователи указывали на «дневниковый принцип организации стихотворений» [8, с. 10], «особый характер авторской рефлексии, тесно связанный с женским типом лиризма» [10, с. 62], отмечали внимание поэтессы к «эстетической ценности самого объекта изображения» [7, с. 10]. В то же время особенности поэтики лирических текстов Ростопчиной до сих пор остаются в полной мере не выявленными.

Полученные результаты могут быть использованы в практике изучения и преподавания поэтики художественного текста и истории русской литературы XIX века, что составляет практическую значимость исследования.

Семантика ритмико-строфической организации стихотворений Е. П. Ростопчиной

Изучение смысловой архитектоники стихотворений, как правило, происходит в связи с рассмотрением смены действия, зрительных картин, изменением движения мысли. На уровне формы текста архитектоника ярче всего проявляется в делении его на строфы, каждая из которых привносит свою смысловую наполненность. И здесь лирика Ростопчиной представляется оригинальным феноменом, занявшим свое особое место в русском романтизме. Именно принцип строфического деления (четырёхстишие, пятистишие, восьмистишие и т.д.) у Ростопчиной отличается своеобразием. Строфы у нее, хотя и наличествуют во многих стихотворениях, все-таки не имеют такого же важного значения, как у Пушкина, а особенно у Лермонтова. У Лермонтова каждая строфа – это относительно самостоятельная картина, имеющая свою, как правило, законченную мысль («Парус», «Поэт», «Дума», «И скучно и грустно...» и др.). Иначе строит свое изложение Ростопчина. Строфические границы у нее как бы исчезают в общем, нарастающем к концу повествования потоке. Это создает впечатление непреднамеренности лирических высказываний героини, выраженных нередко спонтанно, бурно, что в свою очередь влияет и на психологическую окраску рисунка. Поэтесса стремится придать разнообразие оттенки внутренним ощущениям героини, и это как нельзя лучше подчеркивает подвижность, динамизм в развитии сюжета.

В стихотворении Ростопчиной «Разговор во время мазурки» (1837) строфического деления нет совсем. От строки к строке нарастает стремительность и горечь чувств героини, не желающей поступиться ради любовного счастья своей честью:

*«Смеетесь Вы?.. Чему?.. Тому ль, что в двадцать лет
Разумно я смотрю без грез на жизнь и свет,
Что свято верую я в долг и добродетель?..
Что совести боюсь, что мне она свидетель
Всех чувств и помыслов, всех тайн моей души?..
Что сохранить себя в покое и тиши
Я искренне хочу, гнушая порока,
Чтоб в век мой женщиной остаться без упрёка?..»* [9, с. 80].

Осознав безысходность личной драмы, «оглушенная» насмешкой и страданием, она выговаривает поистине каскад обвинений в адрес возлюбленного – в защиту своего достоинства. Внутренняя смятенность делает невозможной размеренность тона. Это подчеркнuto многократным употреблением союза «что», который в общей конструкции стиха выполняет еще и функцию «ускорителя», способствуя, таким образом, быстрой смене лирических эмфаз в динамике повествования.

Структурное своеобразие лирических стихотворений Ростопчиной связано с многообразием форм изложения: «...поэтическая “исповедь” строится то как повествование “от себя”, то как передача мыслей героини, то как изображение переживаний в некоей объективной данности, как бы от “третьего” лица» [11, с. 12]. Ростопчина в духе романтизма смело нарушает излюбленные традиции жанра элегии.

Отмеченная свобода подтверждается и ритмико-строфическим разнообразием, которое так же составляет одну из отличительных особенностей композиционных приемов в стихотворных произведениях Ростопчиной. Явным новшеством было обращение поэтессы к таким вариантам, когда наряду с усилением интонационной экспрессии в каждой строфе увеличивалось количество строк. Показательна в этом отношении элегия «Баю-баю» (1836), в которой имеется три строфы, но количество стихов в каждой строфе разное: в первой – 5, во второй – 6, в третьей – 7 строк. Такие «прибавления» углубляют печально-саркастический вывод героини о том, что в мире, где первенствует «существенность», а не «прекрасные» мечты, – все «ложь и пустота». Следует отметить, что по характеру авторской самоиронии, сетования на пустоту жизни:

*«Что слушать вас?.. Ткань жизни – пестрота,
Но пестрота без смысла и значенья!
Мои мечты, – вы ложь и пустота!»* [9, с. 132]

предваряют лермонтовский тон отчаяния, переданный в стихотворении «И скучно и грустно...» (1840):

*«Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как помотришь с холодным вниманьем вокруг –
Такая пустая и глупая шутка...»* [3, с. 138].

Строфическое деление в стихотворениях Ростопчиной часто носит условный характер и зависит от динамики внутреннего, часто эмоционально насыщенного, ощущения. Чувство, сопряженное с мыслью, в строфическом обрамлении отражает глубину философского и психологического анализа в лирике поэтессы.

Роль зримого мира в поэтической структуре стихотворений Е. П. Ростопчиной

Столь очевидная сосредоточенность на развитии мысли или чувств, переживаемых лирическими героями, сосредоточенность на «богатстве собственной поэтической души» [6, с. 108], что проявилось в преобладании «исповедальных» и потому неизбежно субъективных форм повествования, создавали определенные трудности в использовании портретных описаний, а тем более пейзажных зарисовок. И все же, сказать, что они совсем отсутствуют в стихотворениях Ростопчиной, нельзя. Но их роль, место в композиции лирических миниатюр крайне ограничены, так как большая часть ее элегий, романсов, песен, «исповедей» представляет собою не что иное, как психологический самоотчет лирической героини. Лишь самые необходимые детали домашней обстановки: окно в кабинете, камин, принадлежности туалета или письменного стола, птичья клетка в комнате тоскующей молодой женщины, пышные приметы балных залов (они описываются чаще и подробнее всего прочего) предстают читательскому взору в стихотворениях Ростопчиной. В ряде стихотворений мы не встретим и этих штрихов. Композиционные звенья раскрываемого лирического сюжета формируются в ходе развития самой мысли, вдохновившей на создание стихотворения. Так, в стихотворении «Что лучше?» (1857), написанном катренами, можно выделить строфическую разбивку, но она имеет чисто формальный характер. В сущности, читатель ее не замечает, так как стихотворение построено по принципу сопоставления («то» или «это») противоположных ситуаций. Поэтому основным признаком композиционной структуры стихотворения Ростопчиной можно считать не смысловое родство строф, а их смысловую противоположность.

Не менее интересным с точки зрения архитектоники является стихотворение «Посещая московскую оружейную палату» (1846). Единицами отсчета в произведении выступают не строфы в их обычном обрамлении, а опорно-соединительные слова («здесь», «но и больше всех», «смотри же» и др.), с помощью которых не только происходит «преображение зрительно воспринимаемого мира в художественный образ» [4, с. 258], устанавливается связь между компонентами изображения, но и осуществляется как бы своеобразное «нарушение» интонационной силы повествования:

*«Здесь много видим мы и редкостей и славы,
Доспехов и держав, престолов и венцов;
Здесь Русская земля скрижалю величавой
Почтила подвиги исчезнувших веков,
И доблесть воинов, и мудрость государей,
И преданность граждан, и пастырей мольбу.
Здесь могут вопрошать преданья и судьбу
Историк мыслящий и страстный антикварий»* [9, с. 131].

Такая композиция («бесстрофная») позволяет поэтессе свободно и широко развивать свою мысль, варьируя ее, уточняя сказанное в предыдущих строчках. «Взаимосцепление» строк в сочетании с последовательным изложением мысли придает стихотворению внутреннюю спаянность. Ритмически оно организовано так, что остается впечатление «разбега» для взятия интонационной высоты. Верхняя точка этой «высоты» приходится на заключительные две строки, которые вместе с тем и «обрывают» интонационный подъем – почти внезапно и резко, что еще более подчеркивает взволнованность лирического повествователя.

*«То меч Пожарского, спасителя России!
Смотри же на него, боярей русских сын,
Смотри, отечества слуга и гражданин!
Благоговей пред ним и помни...
Сей меч нам к родине велит питать любовь,
Служить и делом ей, и словом, и советом!
Склони главу пред ним – и удались с обетом
За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!»* [Там же].

Данный отрывок, как и предыдущие, позволяет сделать вывод о том, что приметой поэтического стиля Ростопчиной является именно движения потока мыслей, а изображение зримого мира носит вспомогательный характер.

Зримый мир в лирике Ростопчиной часто присутствует на уровне рамочных компонентов. Особенностью лирических миниатюр Ростопчиной является указание в конце стихотворений места и времени их написания. К примеру: «Июнь 1841, Москва» («Потерянная весна»), «1841, село Анна» («Одиночество»), «4-го декабря 1847, Москва» («Цыганский вечер») и т.д. Эти указания способствуют усилению эмоциональной выразительности повествования, более четкой и строгой организации его частей в единое целое.

В поэтических размышлениях поэтессы пейзаж функционально не связан с условностью романтического изображения, как в предшествующую эпоху своеобразного «торжества» романтического метода. Если пейзаж и возникает, то он лишен психологической наполненности и связан с указанием на место или природное время переживаний героини: деревенские поля, окружающие господский дом, где принуждена «тосковать» героиня, душное лето, зимнее завывание бури и т.д. Таким образом, пейзаж в лирике Ростопчиной вторичен, его наличие в тексте или отсутствие не играет существенной роли ввиду явной фрагментарности, отключенности душевного состояния героини. Подобная черта в лирике Ростопчиной явно противоречит сложившимся в русской поэзии традициям и нуждается в пояснении. Данная особенность лирики Ростопчиной определена

тремя причинами. Во-первых, поэтесса родилась и выросла в городе, и, несмотря на частые поездки в деревню (село Анна), она так и не смогла привязаться к красотам природы, не смогла бы по-пушкински сказать о себе: «Поля, я предана вам всей душой!».

Во-вторых, причина слабовыраженного присутствия пейзажных элементов в поэтической структуре стихотворений Ростопчиной объясняется тем, что их психологизм отличается «замкнутостью» в самом себе, он связан в большей степени с глубоко личными переживаниями лирической героини, ее нравственными побуждениями, раздумьями о возможностях и условиях духовного совершенствования личности. При такой концентрированной направленности психологического анализа, психологической «исповеди» Ростопчиной, в композиции стихотворений, а точнее – в самой логике душевных ощущений и раздумий лирического субъекта, конечно же, оставалось мало места для пейзажных зарисовок. Но это только доказывает, что Ростопчина – поэтесса, которую интересуют по преимуществу человеческие переживания в их непосредственном самовыражении, в то время как другие поэты охотнее прибегают при характеристике лирических ощущений к поэтическим параллелизмам, реализуемым в деталях и образах природного мира (А. Фет и др.).

Наконец, третья причина, в силу которой Ростопчина осталась индифферентной к приемам пейзажных характеристик, связана с самим отношением к природе, сложившимся в русской лирике XIX века, – пейзаж редко предстает в своей чисто изобразительной функции. Чаще описание «состояния природы несет большую смысловую нагрузку» [5, с. 203], является средством выражения какой-либо лирической или философской мысли. К примеру, описание зимней вьюги в стихотворении Пушкина «Бесы» применено для изображения неистовства сил зла. У Лермонтова через пейзаж осуществляется, как указывает И. А. Киселева, «передача душевных движений», дается «оценка личностного состояния» [1, с. 69]. В «Утесе» Лермонтова природный образ – «Тучка золотая», переночевавшая на груди Утеса-великана и ранним утром в путь помчавшаяся «дале» – оказывается «психологически наполненным» [2, с. 138], символизирует разьединенность мечты и действительности. «Дивная пора» первоначальной осени, нарисованная Тютчевым, позволяет осознать неисчерпаемость, многообразие красот мироздания и т.д. Столь глобальные вопросы бытия редко привлекали поэтессу, поэтому пейзажных картин, тяготеющих к философской символике, в стихотворениях Ростопчиной встречается мало. В то же время нельзя полагать, что «поток» внутренних переживаний лирических персонажей, составляющий основу архитектоники большинства стихотворений Ростопчиной, никогда и ничем не осложняется.

Роль эпиграфов и посвящений в стихотворениях Е. П. Ростопчиной

Значимыми элементами лирики Ростопчиной являются размыкающие ее стихотворения в историко-литературный контекст эпиграфы и посвящения, использование которых соотносится с романтической эстетикой. В частом использовании Ростопчиной эпиграфов к своим стихотворениям следует видеть дополнительный резерв углубления лирической тональности повествования, поскольку поэтесса как бы отталкивается от известной уже читателю ситуации, оставляя за собой свободу ее нового развития. Так, стихотворение «Осенние листья» (1834) открывает эпиграф из А. Тургенева: «Один увядший лист несчастному милее, // Чем все блестящие весенние цветы!». И дальше почти в «тон», без контрастных переходов, идет развитие собственной темы поэтессы:

*«Сухие, желтые листья,
Предвестники поры печальной,
Вы любы мне!.. Мои мечты
Привыкли к думе погребальной.
Сдружились с мыслью неземной;
И есть родство, родство святое
Меж всем тоскующим и мной»* [9, с. 53].

Весьма способствуют генерализации основного мотива в исповедальной лирике Ростопчиной посвящения. Посвящения вообще были в моде у поэтов 20-30-х годов XIX века. Но в стихотворениях Ростопчиной они едва ли не код, определяющий степень и характер авторской доверительности. Вследствие этого стихи с посвящениями, как правило, оказываются более личностными и часто напоминают импровизированный диалог поэтессы с обозначенным в посвящении лицом. Отсюда усиление эмоциональной напряженности повествования, обращение к таким деталям, которые близки адресату и в то же время понятны, существенны по своей значимости читателю. Именно такovy по природе своей и эстетической функции посвящения в стихотворениях «Две встречи» (П. А. Плетневу), «На дороге» (М. Ю. Лермонтову), «Цыганский вечер» (посвящено сестре и брату, княгине Голицыной и графу Апраксину) и др. Как несомненное новшество можно считать такие стихотворения Ростопчиной, в которых названия буквально «сливаются» с посвящением и переходят в него: «Сереже, отдавая ему мою рукопись первого издания» (1839), «Благословение артисту – в альбом молодого Антона Рубинштейна» (1844), «В альбом В. В. Самойлова, наполненный его собственными рисунками костюмов и типов его ролей» (1852) и др.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

Смысловая архитектоника Ростопчиной подчинена раскрытию какого-либо доминирующего чувства или мысли, что определило своеобразие строфики поэтессы. Смысловая противоположность строф, отмеченная в исследовании, усиливает психологическую окраску интонационных конструкций Ростопчиной. Бесстроф-

ная композиция позволяет шире развернуть философское обобщение о противоречивых стремлениях личности. Наиболее характерной чертой композиционного строя лирических миниатюр Ростопчиной можно считать ее стремление к гармонизации повествования, подчинение всех его частей одной доминирующей мысли или чувству.

Зримый мир в поэтических зарисовках Ростопчиной не играет существенной роли. Так, привычная функция пейзажа как символа конкретного переживания и как средства психологического анализа в поэтических опытах Ростопчиной ослаблена. Пейзаж включен в общий фон воспоминаний о возникновении, развитии чувства или мысли, поскольку героиня Ростопчиной сосредоточена в большей мере на субъективных ощущениях одаренной натуры, сосредоточенной и мудрой в своих оценках.

Генерализации основной идеи лирического высказывания способствуют эпиграфы и посвящения, которые углубляют лирическую тональность, усиливают эмоциональное напряжение, позволяют выстроить импровизированный диалог, расширяя таким образом «зону» мысли и чувства поэтессы, сопрягая личное с типологически значимым обобщением.

Перспективы дальнейшего исследования лирики Ростопчиной связаны с углубленным изучением различных течений русского романтического искусства XIX века. А также с выявлением особенностей художественной образности многих её стихотворений, отразивших знаковые черты культуры XIX века. Система образных характеристик, воплотившаяся в архитектонике стихотворений Ростопчиной, позволяет воспроизвести исторический контекст «переходного» (эпохи позднего романтизма) периода развития русской литературы 1840-1850-х гг.

Список источников

1. Киселева И. А. Этика М. Ю. Лермонтова и ее религиозные основания // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3. С. 66-72.
2. Киселева И. А., Поташова К. А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 128-144.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6-ти т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); под ред. Н. Ф. Бельчикова, Б. П. Городецкого, Б. В. Томашевского. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832-1841. 386 с.
4. Поташова К. А. Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова: творческое усвоение державинской традиции // Научный диалог. 2020. № 8. С. 258-271.
5. Поташова К. А. Цветовая визуализация художественного образа как особенность творческого метода Г. Р. Державина // Научный диалог. 2019. № 11. С. 199-214.
6. Пуряева Н. Н. Творчество писательниц в оценке авторов учебных изданий по русской словесности 1820-1850 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2020. № 3. С. 101-110.
7. Ранчин А. М. История женщины и поэтессы - в романе, повести, комедии // Ростопчина Е. П. Счастливая женщина. М.: Правда, 1991. С. 9-11.
8. Расторгуева В. С. Поэзия Е. П. Ростопчиной: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1990. 20 с.
9. Ростопчина Е. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Советская Россия, 1986. 446 с.
10. Шумилина Н. В. Особенности полифонического лиризма в раннем творчестве Е. П. Ростопчиной // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 62-67.
11. Щерблякина Л. И. Лирика Е. П. Ростопчиной (проблемы поэтики): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1994. 18 с.

Информация об авторах | Author information

Шевцова Лариса Ивановна¹, д. филол. н., проф.

¹ Московский государственный областной университет

Shevtsova Larisa Ivanovna¹, Dr

¹ Moscow Region State University

¹ larisavshevtsova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.02.2021; опубликовано (published): 09.04.2021.

Ключевые слова (keywords): строфа; Е. П. Ростопчина; исповедальность лирики; архитектоника текста; психологический самоотчет лирической героини; Е. P. Rostopchina; confessional nature of lyrics; text architectonics; lyrical heroine's psychological self-account.